

Юрий Брилл

И
М
П
Е
Р
И
Я

И
Н
К
О
В

ЭКСКУРСИЯ
В ТАУАНТИСУЙНО

Записки
Вольного
Путешественника

Юрий Бриль

Экскурсия в Тауантисуйю

<https://litres.ru/73243502>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юрий Бриль

Писатель и путешественник, автор многих произведений документальной и художественной прозы.

Э-Э, и куда только не ступали эти сапожищи. Искал приключения – и получил их по полной в Перу. Угораздило поучаствовать в шаманском ритуале и провалился в империю Инков. Что особенного, народ кечуа и сегодня считает, что время течет циклически: вперед, назад и опять вперед Мало не нравится Уважай порядки страны, куда тебя занесло. Провалился – сиди тихо, не высывайся. Чужая страна, чужое время, не знаешь законов и традиций – неизвестно откуда прилетит. Так нет освоился и даже попытался изменить ход истории. Ему, видите ли не нравится, что Колумб открыл Америку. Потому попытался ее закрыть. Возможно ли такое? Штука в том, что он гулял по сельве не сам по себе, а с Айяуской. Поймете, кто такая и поверите в ее невероятные возможности. Приключения описаны с документальной точностью. Повесть уже оценили любители историй про попаданцев читатели журналов «Искатель» и «Уральский следопыт».

Содержание

Глава	5
Кориканча	7
Небесная пума	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юрий Бриль

Экскурсия в Тауантисуйю

Глава

Кориканча

Я окунулся в туристическую толчею, как в желанную пенистую морскую воду. Течение понесло по улицам древней столицы империи инков, мимо зданий времен конкистадоров, с оборочками фундаментов и фасадами древней доколумбовой кладки, мимо зазывно открытых магазинов и турбюро, мимо шелестящих зеленым листопадом обменных пунктов.

Что придает Куско особую живописную привлекательность — перуанские женщины. В красочных юбках, с обязательным платком-узлом за спиной и шляпой они особенно неотразимы, когда еще нянчат на руках младенца ламы. За небольшую плату они не прочь сфотографироваться. Повсюду шла бойкая торговля индейскими безделушками, шерстяными вязаными шапочками, кофтами, свитерками, пончо и т. д. Кипел и кружился пестрый туристический карнавал. О беспорядках, что случились в департаменте Мадре-де-Дьос, никто не поминал. Гремучие пампасы, из которых я только что вынырнул, никоим образом не соединялись с этим благополучным и открытым миром.

Меня прибило к Кориқанче, откуда начинаются все экскурсии. Именно здесь по преданию обосновались Сапа Инка Манко Капак и его сестра-супруга Мама Окльо, построив первую хижину. В центре города на фундаментах разрушенного конкистадорами храмового комплекса был построен собор Святого Доминика. Туристы щупают безукоризненную древнюю кладку, удивляются мастерству, повторить которое никто теперь не сможет, перетирают легенды о былом великолепии Золотого сада. Кориқанча (Золотой двор) был центром древнего мира, сравнить его можно лишь с храмом Соломона в Иерусалиме, от которого так же остались лишь

часть фундаментов и стена. Чтобы увидеть это великое чудо и умереть счастливым, люди проделывали огромные расстояния.

Вот я здесь, в самом центре Куско, в самом сердце пумы. (Доколумбовый Куско очертаниями напоминал пуму). Я вышел на террасу храма и попытался представить, где у этой пумы голова, а где хвост. Головой была крепость Саксауаман, сохранились еще ее руины, хвостом — река Вилькамайо. Вокруг храмового комплекса, когда-то теснились дворцы вельмож, дома горожан, а если оглянуться назад, то ближе к хвосту можно было увидеть императорские склады, тюрьму... Испанцы неузнаваемо изменили облик Куско, он и дальше в течение последних 500 лет внешне менялся, но что-то в нем, в его древних камнях, все же осталось — загадочное и притягательное — видимо, где-то в душе он по-прежнему оставался пумой с сердцем Корииканчей.

Собор святого Доминика

Я вернулся в хостел, присел на кухне, попросив хлопотавшую у газовой плиты приветливую женщину заварить мате де кока. Вскоре я получил чашку, затем вторую и третью.

Ко мне подсел с чашкой мате хозяин хостела, словоохотливый Григорио.

— Как тебе Куско?

— По правде сказать, впечатляет... Но представляю, каким он был!.. Приходится только сожалеть, что Колумб открыл Америку!

— Уж не хочешь ли ты ее закрыть? — хитро сощурился он.

— Я о том, что, если бы Америку открыли в наше время, разрушать храмы и дворцы никто бы не стал, тем более переплавлять бесценные художественные произведения в тупые слитки золота и серебра, и я бы увидел Храм Солнца во всем его блистательном великолепии.

Куско ночью

— Думаешь, человечество умнеет? Вся штука в том, что во времена конкистов не был развит туристический бизнес. Я в этом бизнесе уже 20 лет и замечу: именно туризм спасает мир от разрушения. Сохранять культурные ценности выгодно. Это приносит стабильный доход. И сегодня победил бы трезвый расчет: золото не тратится оттого, что на него смот-

рят зеваки. Показывай за деньги хоть тысячи лет... Хочешь экскурсию? — И он выложил передо мной кучу проспектов. — Выбирай. Рекомендую Мачу Пикчу, город открыли только в 1911 году, отлично сохранился.

— Мачу Пикчу у меня в плане, но для начала я бы хотел выяснить, можно ли здесь найти настоящего курандеро, чтобы поучаствовать в церемонии Айяуаски. Есть у тебя связи, Григорио? Организуй.

— Мм... такую экскурсию у меня никто не спрашивал. Дай время — я наведу справки.

— О'кей, я пошел спать. — Пока добирался в Перу, у меня произошла путаница со временем. Надо было иметь в виду, что разница с аргентинским временем в Боливии в 2 часа, а здесь, в Перу, — в 3. Часы в мобильнике я не переводил — получалось, что всю дорогу торопился жить.

Рано утром перед дверями хостела остановилась старенькая «японка», я погрузился в нее, и, громыхая по узким улочкам Куско, мы помчались через весь город, чтобы забрать еще поджидавшую на перекрестке женщину.

— Онкологическая, — пояснил Антонио, так звали водителя. — Она, как и ты, нуждается в лечении.

— С чего ты взял? Я здоров, как Маугли.

— Только за лечение может быть не жалко платить такие деньги!

— Не только, — возразил я. Всю дорогу мы философствовали на эту тему, и в итоге пришли к замечательному откры-

тию: есть две вещи, за которые не жалко денег, лечение и выпивка, в чем и состоит диалектика жизни — гробить здоровье и восстанавливать его.

Деньги были не очень большие, даже со всеми комиссионными, полагавшимися всей цепочке посредников, от Григорио до курандеро. Выехав из Куско, мы поднялись на гору, с которой открывался панорамный вид на город, на грозное небо, набухшее черными тучами. Я попросил Антонио остановиться на минуту, сделать снимок.

Тучи над Куско

Дальше ехали горной долиной, петляя вдоль речки. Часа через два мы въехали в небольшую деревеньку и останови-

лись у крайнего дома, как и все остальные, сложенного из адабы (сырцового кирпича) и крытого тростником. Усадьбу курандеро отличала живописная зеленая лужайка с тропинкой к подвесному мостику через речку.

— Это Пома (с языка кечуа — пума), — представил Антонио вышедшего нам навстречу немолодого худощавого индейца, — потомственный курандеро.

— А Катари! — приветствовал он меня, как старого знакомого.

— Вообще-то я...

— Катари-Змей, — потрепал он меня за плечо.

Я не стал спорить, догадываясь, что новое имя на время экскурсии надо воспринимать как часть церемонии. Поговорив с онкологической, шаман приступил ко мне:

— Что болит?

— Не поверишь, но я чувствую себя превосходно.

— El helminto (глисты), — заглядывая мне в глаза, определил курандеро.

— Нет у меня глистов.

— У всех есть, а у тебя нет?! — настаивал шаман. — Даже у Сапа Инки Атауальпы был один.

— Откуда тебе известно?

— Иначе бы он не проиграл битву при Кахамарке.

— Пусть глисты, мы не гордые, — согласился я, — только не о том разговор. Видишь ли, Пома, я — путешественник, охотник за новыми впечатлениями, и у тебя я только потому,

что слышал, будто Лоза Мертвых может быть гидом в труднодоступных местах, куда и самолетом не долететь.

— Она может, — кивнул Пома и, помыслив, добавил: — посоветоваться надо с дедушкой Вильяком Уму. — Он сходил в дом, вынес чичу в бутылочке из-под пепси и удалился в ветхий дощатый сарайчик.

Его не было довольно долго, и я, любопытствуя, заглянул в щель сарайчика — на стуле сидела мумия. Глаза, сделанные из раковины и цветного камня, жутко посверкивали в полумраке. Разглядел потрескавшееся, будто из глины, лицо мумии с отколотым кончиком носа, безгубый рот с янтарными зубами... Из-под мантии, расшитой в черную и желтую клетку, торчали терракотовые руки. Пома советовался с дедушкой на языке кечуа, подливая чичу на плоский камень алтаря перед ним. Послышались скрежещащие звуки, меня как ветром отнесло от сарайчика — дедушка явно что-то вещал, отвечая на вопросы Помы.

Дедушка Вильяка Уму

Я еще подумал: подобает ли мне, христианину, участвовать в столь сомнительных церемониях. Но любопытство все же взяло верх над религиозными условностями, и я вернулся на свое место, сел в позу лотоса, готовый к путешествию.

Онкологическая зря времени не теряла, достала веретено, наладилась прясть шерсть. Чем перуанские женщины выгодно отличаются от прочих, так это тем, что руки у них всегда заняты — и не мобильником! Либо прядут, либо вяжут, либо ткнут. Порядочная перуанка даже в магазин не выйдет без портативного ткацкого станочка за плечами. Семейка ламы, пощипывавшая травку на лужайке, подтянулась к ней. Лама-мама прилегла рядом, а кроха-лама забралась на колени.

Между тем до отправления на экскурсию было еще далеко. Пома взял две корзины, в одну положил кривой бронзовый нож туми, бутылочку с чичей и направился в сельву.

— Пома, я с тобой.

Пома критически окинул меня взглядом, покачал головой. Вернулся домой, вынес ворох индейской одежды.

— Переодевайся.

Я снял джинсы и рубашку, надел тунику, поверх нее плащ, на ноги усуту — сандалии из белой шерсти.

Из дома вышла жена Пома Коори (Солнце), придирчиво осмотрела меня, водрузила еще на голову шапочку чулью, повесила через плечо вязаный мешочек shuspas, плотно на-

битый листьями коки. Макнула палец в глиняную миску с киноварью, намазала мне краской лоб и щеки. Отступила на шаг, руки в боки, глянула, поцокала языком, довольная моим преображением.

— Сойдешь, Катари-Змей, за пайана (второстепенные, но не самые последние родственники Сапа Инки).

Переправившись на другой берег по зыбкому подвесному мостику, мы оказались в сельве.

Пома негромко напевал, приветствуя духов. Их было столько, сколько деревьев, травок, животных и букашек — и даже больше того, потому и песня была нескончаема. Ходить по сельве одному, без такого провожатого, опасно — можно с кем-то не поздороваться, обидеть ненароком, за что и прилетит симметричный ответ.

— Будь осторожен, — предупредил Пома, когда мы проходили рядом с ямой, края которой маскировались травой.

Почему-то вспомнились древние охотники, которые загоняли животное в яму и потом забивали камнями, но Пома пояснил, что здесь черпали золото. Копали землю, накладывали ее в мешок, сшитый из шкуры ламы, тащили к ручью, высыпали на плоский камень, направляли на него воду, которая вымывала землю, оставляя на камне крупички солнечного металла. Сегодня технология не изменилась — все то же самое. Кстати, у нас на Урале по лесам и горам немало подобных ям-закопушек, выбитых кайлушками горщиков.

Мы остановились перед мощным деревом, его ствол и вет-

ви были опутаны коричневой узловатой лианой с гроздьями водянисто-красных ягод.

— Приветствую тебя, Мать Растений, Лоза Мертвых, Учитель и Наставница народа кечуа, — Пома поклонился, и прежде чем обратиться с просьбой дать лозы, задобрил Айяуаску чичей, плеснув под корень из бутылочки. Единым взмахом ножа туми отполосовал побег, разрезал его на две неравные части, положил в корзины.

Мать растений

— Без чакруны нельзя — они дружат с Матерью, — сказал Пома, и мы еще час блуждали по сельве, пока не нашли высокую кустистую траву с метелкой белых, похожих на бе-

лену, цветочков. — Для крепости духа и силы сердца, которые тебе наверняка понадобятся, дедушка советовал камалонгу. — Вскоре мы нашли и камалонгу, корзинки наполнились нужными растениями, и мы поспешили к дому.

Вернулись к обеду, в животе урчало, и я бы не отказался хотя бы от скромного английского завтрака, но Пома почему-то не приглашал к столу.

— Уж не собираешься ли ты уморить меня голодом? — высказал я ему.

— Сильно далеко собрался, путешественник, — посмеялся Пома, — хочешь вернуться обратно — постись. Такое условие.

Ладно, я сел в аджрасану (позу ученика), показывая, что готов к путешествию. Куда там, ещё потребовалось часа четыре, чтобы приготовить зелье. Онкологическая крутила веретено, пряла и никуда не торопилась. Наконец Пома разлил травяной отвар в калebasки (сосуд из тыквы-горлянки). Мне из одного котла, онкологической — из другого. Коори-Солнце вынесла два пластмассовых таза.

— Для глистов, — пояснил Пома. Раскулив зеленую сигару мапачо, запел икарос, налаживая канал с духом Айяуаски. Я отпил несколько глотков, это было довольно терпкое и горькое пойло. Шаман окурив дымом онкологическую и меня, затем по кругу весь двор.

Через полчаса я почувствовал приятное тепло у самого копчика, в муладхаре (чакре жизни). Горячая волна подня-

лась вверх по позвоночнику, дошла до анахаты (сердечного центра) и разлилась всепоглощающей Любовью ко всему и вся, даже к глистам, которые могли прижиться и у меня (дай бог им здоровья!) — чем я хуже других?! Я уже не слышал камлания, был в ладу со всем миром и, самое главное, с самим собой. Из сизого кокона дыма ослепительно — как молния из черной грозовой тучи — стрельнула искорка. Зажмурился от боли в глазах — два изумрудных глаза смотрели на меня. Прояснилась головка стрекозы цветного камня, крылышки — витражные узоры серебра со слюдяными вставочками. Стрекоза сидела на початке кукурузы, зрелые зерна и волокна золотые, а стебель и листочки — серебряные. Передо мной открылось целое поле такой кукурузы, за ним росли деревья из золота и серебра, и паслось 20 золотых лам с юным пастухом, тоже из золота. Золотые девы собирали с золотых яблонь золотые плоды. Я смотрел на дивные цветы, на бабочек, жучков, ящериц и змей. Передо мной предстал во всем своем великолепии Сад Солнца, солнечно сияли золотом стены храма Кориكانча... Ласкал слух мелодичный перезвон золотых лепестков и серебряных листьев, соединялся в божественную мелодию, неудержимо влекущую в горнии пределы Гармонии и Творчества... Не в тему, сбивчиво, разрушительно грубо вдруг зазвучала ария Риголетто, как выразилась бы моя культурно образованная бабушка, — дым мапачо рассеялся — и мне представилась совсем иная картина: онкологическая рыгала в пластмассовый тазик. Пома, скло-

нившись над ней, увещевал рыгать больше, от души, чтобы вышли все глисты до одного. Но она сказала, что с нее хватит рыгать и блевать, и потребовала туалетной бумаги. Пома пошел в дом за туалетной бумагой. Э-э, какой мультик испортили! Я подумал, что маловато выпил, поэтому картинка оказалась нестойкой, — и выцедил, что оставалось в котелках, все до последней капли. Картинка мгновенно появилась снова, но другая...

Небесная пума

Сквозь брешь в дымовой завесе виднелась речка, над ней покачивался мостик, тот самый, по которому мы переправлялись, идя в сельву, и не совсем тот — этот реял над водой без всяких видимых опор, если не считать опорами разбросанные по траве и воде клочья табачного дыма мапучо. Огромная черная собака смотрела на меня, шумно дыша; красный язык подрагивал, с кончика скапывала слюна. С собаками у меня хорошие отношения, в доме всегда живут

две—три, и я без опаски ступил на хлипкие доски. Они пружинили подо мной и качались, готовые от легкого ветерка сорваться и отлететь куда-нибудь в Тридевятое царство. Шагалось трудно, преодолевал плотное сопротивление воздуха. Еще слышал, как ругается Пома: «Чертов путешественник! До чего, сука, жадный! Выпил, капли не оставил и ушел!.. Где искать, одна Айяуаска знает!» Слова печатались в сознании как-то ватно, будто сквозь стену, и меня не задевали. Было тревожно на душе и вместе с тем неудержимо тянуло на другой берег, в слепящий, залитый солнцем мир. Когда глаза немного привыкли к яркому свету, я увидел себя не в сельве, как ожидал, а на склоне пологого лысого холма. По косогору рядами стояли палатки, у которых копошились индейцы. Когда я приглядывался к ним, они тоже оборачивались и смотрели на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.